

Государственный
орден Ленина
ВНЕШОТ
СЕР
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 3

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

МАРТ
1955

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

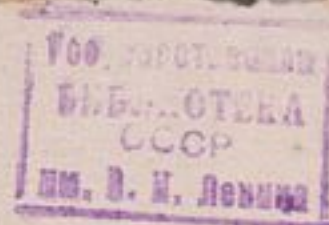

Рис. Ю. КОРОВИНА

НА „КАМЧАТКЕ“

Вот уже четвёртый год, как я на «камчатке» сижу. Это самое лучшее место: весь класс как на ладони, а меня, кроме соседа, никто не видит. И от столика учительского далеко. Есть, правда, такие учителя, которые во время урока по классу, между рядами, путешествуют. Они, конечно, и до «камчатки» добираются. Но это только некоторые... В общем сижу я на последней парте, и мне это место очень нравится.

А предпоследнюю парту в этом году захватила девчонка — Галя Семёнова. Она к нам вместе со своими подругами из соседней школы перешла. Когда я маме об этом рассказал, она меня поправила:

— Почему ты так грубо говоришь — «захватила» парту? Не захватила, а просто заняла.

Но ведь мама не знает, как всё это произошло. Галя именно захватила! Подошла к парте и говорит:

— Хорошее место — прямо около окна! Здесь мы с Маринкой сидеть будем.

Я даже крышкой хлопнул от неожиданности.

— Вы, — говорю, — не можете здесь сидеть, потому что тут всегда Мишка с Лёшкой сидят. Это их места.

Галя даже не взглянула на меня и пре-

спокойно, как ни в чём не бывало засунула свой чемоданчик в парту. В эту минуту кто-то из ребят крикнул:

— Пушок, иди-ка сюда!

Это меня в классе Пушком зовут, потому что фамилия моя Пушкин. Галя так ехидно-ехидно, как только девчонки умеют, сузила свои глаза и говорит:

— Пушок? Это у нас в квартире так собаку зовут. Только она ручная и на людей не кидается.

Что она этим, собственно говоря, хотела сказать? Безобразие какое! С собакой меня сравнивает! Галя, видно, заметила, что я нахмурился, и говорит:

— Ты не обижайся. Меня ведь тоже Галкой зовут. Это ещё хуже: собака всё-таки друг человека, а галка — это самая глупая птица на свете!

Слова её меня вовсе не успокоили, и я тут же решил проучить Галю. Но в класс вошла учительница, и я отложил это дело до перемены.

А на уроке я вдруг, сам не знаю почему, стал рассказывать своему соседу Вадику Киселёву, что летом, в лагере, я научился играть в волейбол и даже «гасил» по всем правилам.

Вадик засомневался:

— Как же это ты до сетки допрыгивал?

— А мы сетку пониже вешали. И я здорово «гасил»!

Мне почему-то очень хотелось, чтобы Галя услышала мой рассказ. Но она ни одной косичкой не шевельнула и, как говорится, бровью не повела. Это мне так показалось, хоть лица её я, конечно, не видел, а только один затылок.

«Ишь ты, никакого внимания! равнодушная какая-то!» — подумал я. И стал вслух вспоминать, как в прошлом году на каток ходил, как мчался по беговым дорожкам и даже от старшеклассников ни на шаг не отставал. Я так громко всё это вспоминал, что учитель два раза сделал мне замечание.

Галя опять никакого внимания. «Всё мимо ушей пропускает, — подумал я. — Вот равнодушное существо!» И начал рассказывать Вадике про хоккей: как я во

дворе за одну игру пять шайб в ворота загоняю.

Вадик опять начал сомневаться:

— Ты разве и в хоккей умеешь играть?

— Ну, конечно, умею! — не моргнув глазом, ответил я. — Ещё как умею!

И взглянул на Галин затылок: никакого впечатления! Я почему-то очень огорчился...

А через несколько дней Галя подходит ко мне и говорит:

— Слушай, Тузик...

— Что-о?! — закричал я. — Как ты меня назвала?

— То-есть прости, пожалуйста, — Пушок! Я просто ошиблась...

— А ты не ошибайся! — грозно предупредил я.

— Так вот, Пушок, — продолжала Галя: — ты, я слышала, в волейбол хорошо играешь? Давай волейбольное соревнование устроим.

Я чуть сумку из рук не выронил. Значит, она ничего мимо ушей не пропустила. Вот это номер! А ведь я насчёт волейбола всё сочинил. То-есть я, конечно, немножко играть умею. Но совсем-совсем немножко. А «гасить» я только думал научиться, только собирался... Что же теперь делать?

— Да ведь сейчас на улице уже грязь... осенняя слякоть, — сказал я.

— Это ничего, — перебила меня Галя. — Мы в спортивном зале будем играть. Там как раз сетка натянута: старшеклассники играют. А мы сетку пониже повесим, как ты рассказывал. И «гасить» нас всех научишь. Согласен?

— Ага, согласен, — пролепетал я. А сам подумал: «Что же делать? Хоть в школу завтра не приходи!»

А может, и в самом деле заболеть?

На уроке я кашлял и даже пытался чихнуть, но у меня ничего не вышло. Тогда я нарочно громко, чтобы слышала Галя, попросил Вадика Киселёва:

— Пощупай-ка мне лоб. Не горячий, а?

И стал подмигивать Вадике: дескать, скажи, что температура повышенная. Но Вадик не понял и преспокойно ответил:

— Лоб у тебя прямо ледяной какой-то! А вот глаза почему-то моргают...

— Это, вероятно, на нервной почве, — предположил я, а сам тихонько стукнул Вадика линейкой по затылку.

Галя тут же обернулась, словно я её стукнул, а не Вадика, и прошептала со своей предпоследней парты:

— А нервы, между прочим, надо спортом лечить. Вот завтра и сыграем в волейбол.

Час от часу не легче!

Дома я стал копаться в аптечке — искать термометр. Вдруг всё-таки повезёт и температура окажется повышенной? Термометр я не нашёл, но зато увидел бинт. И сразу мне в голову пришла идея: обмотаю руку бинтом и скажу, что не могу играть в волейбол. Так я и сделал.

Скоро пришла с работы мама. Она увидела меня и как ахнет:

— Что у тебя с рукой? Порезал, что ли?

— Да, — говорю, — порезал!

— Покажи сейчас же! Может быть, там у тебя заражение начинается!

— Нет... Там заражения не может быть, потому что я не порезал, а — как бы это сказать? — вывихнул!

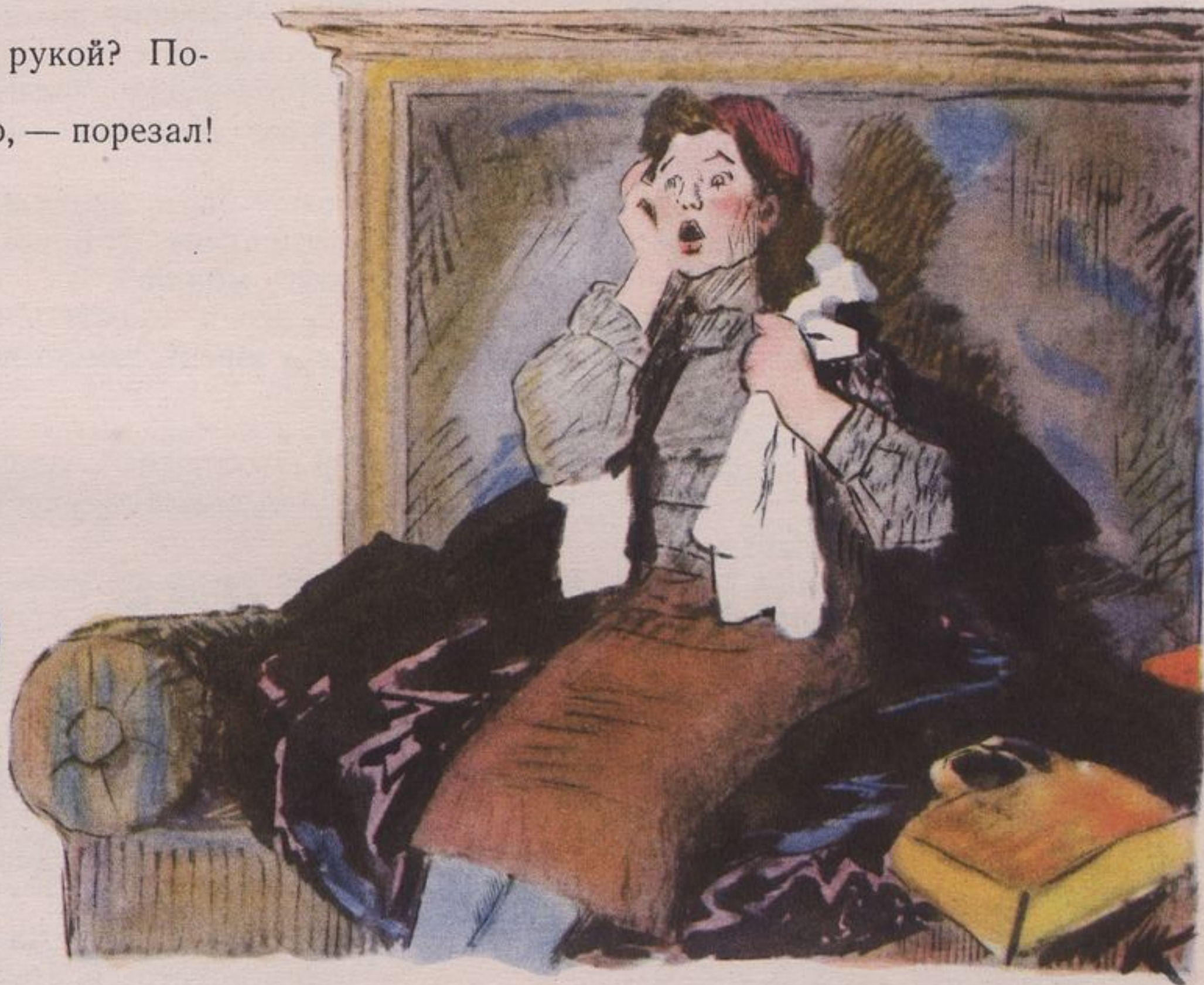
— Так это же ещё опасней! Может, у тебя кость переломлена! Боже мой, каждый день происшествия!

Еле-еле я успокоил маму.

На следующий день в школе Галя сочувствовала мне больше всех. «Значит, не догадалась, — подумал я. — А если бы догадалась, так уж на весь класс шум бы подняла, высмеяла бы меня так, что подумать страшно».

Несколько дней я ходил с перевязанной рукой. Один раз меня даже от контрольной работы хотели освободить. Но я всё-таки написал её, как выразилась Галя, «с риском для жизни».

Как только я пришёл в класс без повязки, Галя тут же подскочила ко мне. Неужели опять насчёт волейбола? Про волейбол Галя ни слова не сказала. Но

мне от этого было не легче: она завела разговор о хоккее.

— Ты ведь, Пушок, и в хоккей хорошо играешь? Помнишь, на уроке рассказывал? Давай организуем хоккейную коман-

ду и с четвёртым «В» сразимся, а? Потренируешь нас?

Со свету она меня решила сжить, что ли? Ведь я всего два или три раза в жизни гонял по двору пустую консервную банку. Ах, зачем я нахвастал в первый день?! Зачем?.. Но вздохнуть было уже поздно, и я согласился стать тренером. Только на всякий случай тихо сказал:

— Но ведь девочки в хоккей не играют.

— Нет, играют! Даже женские хоккейные команды есть. Я в газете сама читала. Разве её переспоришь!

— Ладно уж, потренирую вас, — уныло сказал я. — Только начнём дней через десять: ведь подобрать команду не так-то легко!

Десять дней подряд я учился играть в хоккей. За эти дни я, между прочим, съел все консервы, которые лежали у нас за окном. Мама просто нарадоваться не могла.

— Какой у тебя прекрасный аппетит! Скажи только, куда деваются пустые консервные банки?

Мама не знала, что уничтожил я консервы именно из-за этих самых банок: они нужны были мне для тренировки. Я, как говорится, до десятого пота гонял банки по двору. Уж очень мне не хотелось осрамиться перед Галей: ведь засмеёт, опозо-

рит на весь класс. Нет, пожалуй, на всю школу, на весь район.

Наконец я научился бить по воротам и даже обводить самого длинного в нашем дворе мальчишку — семиклассника Жору.

Через десять дней я преспокойно сказал Гале:

— Завтра собирайтесь на каток. Так уж и быть: подучу вас немного!

— Вот здорово! — обрадовалась Галя. — А вожатый Миша обещал достать самые настоящие клюшки и шайбу.

Потом Галя таинственно огляделась по сторонам, как-то хитро подмигнула мне и спросила:

— А ты завтра с перевязанной ногой не придёшь?

У меня даже в носу защекало. Значит, она тогда обо всём догадалась? Всё, всё поняла. Какой позор!.. Но только почему же она не выдала меня, не подняла на смех и никому ни слова не сказала? Даже своей самой лучшей подружке Маринке? Всё в тайне сохранила.

Может быть, она всё-таки не такая уж равнодушная?.. И с ней, может быть, даже дружить можно?

Всё это я, конечно, подумал про себя. А вслух ничего такого не высказал...

ДЕДУШКИН КОНЬ

Н. СИЛКОВ

Дедушка за руку вёл малыша,
Шли они весело, шли не спеша.
Только уже с половины пути
Внук заявил, что не может итти,
Что заболели нога и живот, —
Пусть его дед на спине понесёт.
Дед отвечал: «А зачем на спине?
Хочешь поехать верхом на коне?»
Он мальчугану хитро подмигнул
И к лозняку от дороги шагнул,
Вырезал прутики ловкой рукой:

Первый потолще, потоньше другой.
«Толстый — лошадка, а тонкий —
клинок.

Ну-ка, садись и скачи, паренёк!
Выбрал тебе я лихого коня, —
Быстро ускачешь на нём от меня».
Мальчик лошадку погладил рукой,
Острою саблей взмахнул над собой
И поскакал без оглядки вперёд.
Зажило всё: и нога и живот!

МАКСИМКА

После гибели Чапаева дивизия на время отступила к городу Уральску. Но уже через месяц, оправившись, пошла в новое наступление, занимая аулы, станицы, укрепления. Белые поспешно отходили на юг, к морю.

Была глубокая осень. Низкие тучи нависли над степью. Шли дожди, смешанные со снегом.

Чапаевка Маруся ехала впереди, в конной разведке. На несколько дней их часть остановилась в небольшом киргизском ауле. Бойцы разместились в трёх землянках, а Маруся попала в дом богатого киргиза. У него был полон двор коней, верблюдов, овец.

С первого же дня Маруся заметила во дворе мальчонку лет одиннадцати. Работал он не по силам: таскал на себе огромные вязанки хвороста, убирал за всем скотом, носил воду. От соседей Маруся узнала, что мальчик не родной богатому киргизу, а купленный у бедняков-родителей.

— Как это купленный? — не поняла Маруся.

Она представить себе не могла, как это можно купить человека, живого человека?!

Но ей объяснили, есть такой обычай в этой стороне: хозяин считает, что выгоднее купить работника, чем брать его на время.

Однажды вечером бойцы собрались у костра. Сначала шли разговоры о погибшем недавно геройском командире товарище Чапаеве.

— А помните, хлопцы, его любимую песню? — вдруг спросил молодой чапаевец Лёша Новиков. И запел...

Пел он простую и грустную песню о чёрном вороне. Голос его, мягкий и чистый, то, забираясь на самые высокие ноты, звенел и далеко разносился в ночной степи, то замирал и становился чуть слышным.

Сначала его слушали молча, устремив глаза на яркое пламя костра. Но вот неуве-

ренно, один за другим стали подтягивать, и песня широко разлилась, подхваченная всеми.

Пламя костра падало, и Маруся, поднявшись, подошла к плетню, возле которого был свален хворост. И тут она увидела того самого купленного мальчика. Он стоял, прижавшись к плетню, маленький, незаметный, в грязных лохмотьях. Он слушал песню.

Заметив Марусю, мальчик испугался, кинулся было бежать. Но Маруся успела схватить его за руку.

— Ну чего ты испугался? Ну чего, дурачок? — спросила она и ласково погладила жёсткие волосы. — Иди посиди с нами. Песни послушаешь, покормим тебя... — и она слегка подтолкнула мальчика к огню.

С этого самого дня началась необыкновенная дружба между бойцами-чапаевцами и киргизским мальчиком.

По вечерам, закончив свою тяжёлую работу, мальчик прибегал к бойцам и на ломаном русском языке просил, чтобы ему разрешили что-либо сделать. И он был счастлив, если ему позволяли почистить или напоить коня. Ему казалось: только работой он может выразить свою преданность и свою любовь.

Через неделю отряд тронулся дальше. Командир Тимофеев отдал команду: «По коням!» — и бойцы выехали из аула.

И вдруг за околицей, наперерез отряду, чуть ли не под ноги коням, кинулась знакомая фигурка в лохмотьях.

Всадники остановились, а мальчик, уцепившись за стремя командира, стал о чём-то жалобно просить.

«Хочет, чтобы с собой взяли», — подумала Маруся, и она остановилась рядом с командиром.

— Товарищ Тимофеев, — обратилась она к нему, — возьмём хлопчика. Пропадёт он здесь, а мы человека вырастим.

Но командир наотрез отказался:

— Нельзя. Ещё подстрелят где, тогда отвечай. Не имеем права.

Когда отряд тронулся, мальчик, рыдая, упал на дорогу.

Молча скакали бойцы. Хмуры были их лица. Уже далеко позади остался аул, а всё ещё, казалось, слышались жалобные выкрики мальчика...

Проехали вёрст пять. Вдруг командир Тимофеев попридержал коня.

— Слышь, Маруся, — сказал он девушке, — скачи обратно в аул... Ну чего, не понимаешь? За киргизёнком скачи. Твоя правда, забрать его нужно от хозяина... пропадёт хлопчик.

Быстрее ветра понеслась Маруся. В аул влетела галопом — и прямо во двор к богатому киргизу. Спешилась, привязала коня. И за мальчиком. Туда-сюда... Нет нигде!

Но вот из сарая, где хозяин держал ягнят, услышала она приглушённые рыдания. Кинулась туда и сразу увидела: на полу в самом уголке сидит он, весь съёжившись в комок и закрыв лицо руками.

— Хлопчик! — тихо позвала Маруся.

Он вздрогнул, отнял от лица ладони и увидел Марусю...

Вместе, рука об руку они побежали к коню. Торопясь, отвязали, сели и поскакали.

Всю дорогу молчали. Только Маруся всё по-нукала коня, а мальчик вздрагивал, да нет-нет и оглянется: ему казалось, что хозяин гонится за ними.

— Чуешь, хлопчик, — сказал ему командир Тимофеев, — в Красной Армии служить будешь. Чапаевцем станешь... Смотри, не подкачай!

На первом же привале мальчика приодели. Где-то раздобыли рубаху и шаровары. Маруся кое-как ушила, подкоротила вещи. Нашлась старая шинель, у которой подрезали рукава и подол, и будёновка с красной звездой. Хуже пришлось с сапогами — не по ноге все

были мальчонке. Но их тоже, наконец, приладили.

— Теперь ты у нас боец в полной форме! — охорашивая нового чапаевца, сказала Маруся. — Только зовут-то тебя как? Сколько дней знакомы, а имя твоё не знаем!

Но мальчик улыбался, щупая рукой обновы, и, с трудом выговаривая русские слова, ответил, что его никак не зовут.

Поверить этому было трудно. Позвали Лёшу Новикова. Он немного умел по-киргизски. Но и Лёша, как ни выпрашивал, ничего не добился. У мальчика, видно, не было имени. Своё прежнее он забыл, а хозяин его никак не звал, только кричал и бранился...

— Как же так? Как же так?! — с изумлением не переставала повторять Маруся. — У лошади кличка бывает, у собаки... А ведь это человек, и без имени!..

Мальчика решили отдать в пулемётную команду на воспитание к Петру Прокопьевичу, старому заслуженному чапаевцу.

— Имя ему придумай, — сказала Маруся. — Чтоб хорошее, Пётр Прокопьевич! Сколько лет человек без имени жил, так уж пусть хорошее теперь будет.

Дивизия наступала на Лбищенск. На тот самый Лбищенск, где в начале сентября погиб Василий Иванович Чапаев.

На одной из пулемётных тачанок рядом с Петром Прокопьевичем сидел киргизский мальчик. И месяца не прошло, как чапаевцы взяли его в свою семью, а неузнаваем стал: в плечах раздался, подрос, глаза повеселели. Бойцы не переставали заботиться о нём. То один, то другой за-

бегут узнать, как жив-здоров, гостинцев принесут.

— Ничего, складный растёт паренёк. Смышлёный, — хвалил своего питомца Пётр Прокопьевич. — Вот нынче пулемёт разобрал, почистил да собрал. Это, братцы мои, не шуточное дело. Только одна у нас беда — не признаёт он моих имён. Колюхой пробовал звать — не откликается. Петькой — тоже без внимания оставляет.

Бои за Лбищенск были упорны и жестоки. Белые крепко держались за город.

Когда чапаевцы подходили к берегам реки Урал, из прибрежного камыша вынеслась лавина неприятельской конницы, а с того берега застрекотали пулемёты, ударили орудийные залпы.

Пётр Прокопьевич на всём скаку развернул тачанку пулемётом на врага. Только приготовился строчить, вдруг пуля впилась ему в правую руку пониже плеча. Хлынула кровь. Рука отяжелела и повисла плетью.

Вражья конница всё ближе. Уже слышен храп коней, видны бородатые лица.

А от командира Тимофеева вестовой: «Что ж ты, Пётр Прокопьевич? Жарь горячее! Горячее вали...»

Куда там жарить!.. Попытался было Пётр Прокопьевич одной рукой сладить с пулемётом, не выходит. Заело что-то в замке, не двигается пулемётная лента ни назад, ни вперёд.

Тут взмолился Пётр Прокопьевич к пулемёту, как к живому:

— Эх, Максимушка, Максимушка... не выдай, браток!

Пулемёт был системы «максим», и Пётр

Прокопьевич иной раз в шутку называл его «Максимушкой».

И вдруг со дна повозки, где, схоронившись от пуль, сидел маленький киргизёнок, раздался голос:

— Дай буду стрелять...

Пётр Прокопьевич даже не удивился, что мальчик отозвался на имя «Максимушка», будто так и нужно. Он отодвинулся, пустил его к пулемёту и, помогая левой рукой, зашептал осипшим от волнения голосом:

— Вали, вали, Максимушка! Дай им погорячее... Так им и надо!

Чапаевцы не вошли — влетели через скованный льдом Урал прямо в Лбищенск. Белые ещё отстреливались из домов, с чердаков, из сараев. Но город уже был в руках Красной Армии, и с криками «ура» бойцы занимали улицу за улицей.

Вечером, после боя бойцы конной разведки пошли поздравить своего питомца с первым боем.

— Максимку моего желаете видеть? — спросил Пётр Прокопьевич, встречая гостей на крыльце дома, где они поселились.

— Какого такого Максимку? — не поняла Маруся.

— Максимушка, выдь, браток! — крикнул Пётр Прокопьевич. И на крыльцо, смущённый и улыбающийся, вышел маленький черноглазый киргизёнок, у которого теперь были не только верные боевые друзья, но и хорошее имя, честно заработанное в сражении за советскую власть.

В. БРАГИН

СОСНА СЕЕТ СЕМЕНА

Светило тёплое солнце ранней весны. Снег ещё покрывал землю, а на деревьях он уже таял.

«Кап-кап-кап...» — падали капельки на снег, который стал весь в дырочках.

Согретый солнечными лучами ветерок пробежал по соснам. И вдруг послышался лёгкий треск. Что это? Сосновые шишки, согретые солнцем, с треском разогнули свои чешуйки, и из-под них вылетели продолговатые семечки. У каждого из них было длинное коричневое прозрачное крылышко.

Семечки опустились на снег, а крылышки оторвались.

Сосна сеяла семена. Семечки уходили под снег. Снег под ними таял. В земле семена согреваются и прорастут. Пройдут годы, и из этих семян вырастут могучие сосны. Ветерок будет качать их вершины.

Но вот солнце скрылось за облаками. Сыро и холодно стало в лесу.

Чешуйки на шишках закрылись. Перестали вылетать семена.

Н. СЛАДКОВ

Рис. Ник. ПЛАСТОВА

РАССКАЗЫ О ПТИЦАХ

Весенняя баня

Ванятка считал себя знатоком птиц. Ему приходилось держать в клетках чижей, чечёток, снегирей, синиц, щеглов, клестов, зябликов. А сегодня вышел Ванятка из школы и видит: на краю снеговой лужи сидят три совершенно незнакомые птички ростом с воробья. Одна чёрная, другая коричневатая, а третья вовсе рыжая.

Прыг-дрыг-прыг по гузку — по самый хвостик — в лужу, и ну купаться! То грудку окунут в воду, то на задок присядут и бьют, бьют тупыми крылышками по воде. Брызги над ними как фейерверк: в каждой капельке искорка солнца.

Выскочили из лужи и, встряхнув мокрые крылышки, взъерошенные, перелетели на песчаную дорожку. И — вот глупышки! — давай барахтаться в грязном песке. Песок к перу липнет, измазались все! Не поймёшь, какого и цвета стали.

Скоро так песком облипли, что и лететь не могут. По земле поскакали. Прыг-дрыг-скок — и опять в лужу! Опять над ними солнечный фейерверк да ещё радуга в брызгах. Моются, стараются.

Выкупались, вымылись — и выскочили на бережок.

Ванятка так и ахнул:

— Воробьи! Все трое — обыкновеннейшие воробьи! Все трое серенькие, свежень-

кие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка: воробьи так за зиму измазались, что и на себя стали не похожи. Это они сейчас в бане мылись, зимнюю грязь с себя смывали. С песочком тёрли!

Чёрный сажу смывал: он всю зиму в дымовой трубе ночевал.

Коричневый спал в сыром дупле, в гнилой трухе вымазался.

Рыжий в кирпичной стене устроился, в дырке.

Вот и стала вода в луже чёрно-кирпично-коричневой.

— С лёгким паром! — крикнул Ванятка воробьям и побежал домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

Болотное стадо

На тёмнозорьке мы с пастухом Мишей были на болоте. Тёмнозорьку — миг, когда утро побеждает ночь, — в селе угадывает один петух. Темнота ещё — глаз коли, а петух вытянет шею, насторожится, что-то услышит и прокричит.

А в лесу тёмнозорьку объявляет лесовой петух — глухарь-мошник. Завозится на суку, бородкой поведёт и объявит дремучим голосом:

— Чок! Чок! Чок!

Птичка-невидимка услышит — отклик-

нется. Ветерок в вершинах шевельнется. И пойдёт по лесу шорох и шопот.

И вот, когда на селе прокричал петух, а в лесу проснулась первая птичка, Миша сказал:

— Сейчас пастушок своё стадо выведет на болото, на цветную воду.

— Что у кого болит, тот о том и говорит! — дразню я Мишу.

— Нет, — возражает Миша, — я не о колхозном пастухе, я о болотном.

И тут, в тёмных кустах и осоке, раздал-

ся резкий и сильный посвист. Видно, свистит пастух, заложив два пальца в рот, бодрит свистом своё стадо. Да только там, где он идёт, топь страшная, вода цветная, земля зыбкая. Пути там нет.

— Болотный пастух, — шепчет Миша.

— Бээээ! Бээээ! Бээээ! — заблеял жалобно барашек.

Уж не увяз ли в зыбкой топи?

— Нет, — смеётся Миша, — этот барашек не увязнет. Это болотный барашек.

Бык замычал глухо — видно, отстал от стада. Ой, пропадёт в трясине!

— Нет, — успокаивает Миша-пастух, — это болотный бык.

Уж и видно стало: туман серый шевелится над чёрной кугой — болотной травой. Свистит в два пальца пастух. Барашек блеет, бык ревет. А никого не видно!

— Болотное стадо-то...

— Терпи, — шепчет Миша, — увидим.

Посвист всё ближе. Во все глаза гляжу туда, где в сером тумане шевелятся тёмные силуэты куги.

— Куда смотришь? — толкает в бок Миша. — Вниз смотри, на воду.

Вижу: шагает по цветной воде птичка-невеличка, со скворца, на высоких тонких ногах. Остановится на кочке, приподнимется на длинных пальчиках да как свистнет! Так свистнет, ну в точности пастух!

— За такой свист и прозван пастушком-прогонышем, — смеётся Миша.

Тут я повеселел: видно, и всё стадо болотное-то по пастуху.

— По пастуху и есть, — кивает Миша.

Слышим: шлёпает ещё кто-то по воде. Видим: выходит из куги большая птица, неуклюжая какая-то. Нос длинный. Сунула птица нос в воду и... заревела быком!

— Выпь! Бугай болотный!

Тут я и про барашка смекнул. Это же бекас-долгонос! Летаёт он над болотом то вверх, то вниз, жёсткое крылышко или хвост у него на ветру дребезжит и блеет. Охотники так и зовут его — барашек. И я знал, да темнотёрка в обман ввела.

— Стреляй, Миша, — смеюсь я, — свали барана!

— Ружьё у меня харчистое, — говорит Миша, — заряд в нём большой, на болотную мелюзгу тратить жалко. Пусть себе пасутся.

Поганчики

Ловил я на озере рыбу. Камыши тревожно стучали друг о друга, как костяные палочки.

Быть дождю!

Я стал собирать удочки.

Вдруг вижу: из густого чекана — озёр-

ной травы — выплывают на чистую воду поганки. Поганка-папа, поганка-мама и крошечные — с жука — поганчики. Поганка, или, по-учёному, чомга, — скрытная птица, не всегда её увидишь.

Я задержался.

Чомга-папа выплыл на середину плёса, насторожил глаза в небо, — нет ли луны? — встал на караул. Чомга-мама забила крыльями, забарахталась в воде, будто курица в пыли. Да вдруг и ушла под воду.

Чомги похожи на маленьких уточек-чирков, только клюв у них не плоский, как у уток, а тонкий и острый, а уж нырять и плавать, как чомги, не сможет ни одна утка.

Нет поганки-мамы! Мохнатенькие поганчики, как чёрные жуки-вертячки, закружили по воде. Попробовали они нырять, но были такие лёгкие, что тотчас выскакивали из воды, как пробки.

Вынырнула мама. Поганчики успокоились и стали играть в пятнашки, шлёпая по воде крыльями-культяпками.

Но не зря тревожно стучал камыш. Прорвался ветер, погнал волну с гребешком. Начали лёгкие поганчики на гребешках переворачиваться. Перевернётся — и сучит в воздухе своими лягушечьими лапками. Плохая игра получается.

Поганка-мама насторожила тонкую шейку и что-то сказала, а что — за ветром не было слышно. Поганчики все к ней, окружили её со всех сторон да вдруг и по-

лезли к ней на спину! Лапками чик-чик, культяпочками мах-мах, и — ловкачи какие! — забрались. Да ещё и в перья забились, одни головки чёрные торчат. Сидит на воде многоголовая птица. Тепло поганчикам в перьях, сухо и не дует. А не сидится! Копошатся, выглядывают, видно, проголодались после купанья-то.

Мама-чомга опять что-то сказала. Мне не слышно, а чомга-папа услышал. Клюнул он носом воду и ушёл на дно. Теперь чомга-мама встала на караул.

Вынырнул папа, в клюве держит что-то. Видно, вкусненькое: все поганчики вытянули навстречу шейки. Папа-чомга сунул вкусненькое в разинутый роток крайнего поганчика, а сам — опять на дно. И так нырял, пока всех не накормил.

Сытые чомгята с головой спрятались в перо на спине. Спина у чомги-мамы стала горбиком.

Я так загляделся, что забыл, о чём стучал камыш. Вдруг вся вода вспыхнула — сверкнула молния. Ударили тяжёлые капли, запрыгали по воде фонтанчики.

Хлынул дождь. Поганки заспешили в камыш. Мама за папой, как два одинаковых парходика. Только у заднего парходика на спине горбик. Потому что не простой это парходик, а пассажирский.

Чомги спрятались от дождя. А я промок. Ну, да и что за рыбак, коли сухой!

СОЛЁНЫЙ ОГУРЕЦ

НАТАЛЬЯ МЕНДЕЛЬСОН

Рис. Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ

— К следующему уроку, дети, сделайте из пластилина огурец, — сказала учительница Надежда Николаевна. — Все вы видели огурцы, пололи их у себя в огороде. Ну и лакомились, наверно, огурцами вдоволь.

Сёма Догадкин высоко вскинул руку и, не дожидаясь, пока его вызовет учительница, сказал:

— А я раз объелся огурцами.

Все засмеялись.

— Можно, я скажу? — спросила с первой парты худенькая девочка, Иванова Валя.

Она встала и, обернувшись к классу, рассказала:

— А у нас нынче много огурцов народилось. И один побег уцепился усиками за ствол и на яблоньку взобрался. А осенью со ствола огурцы свисали.

Костику Гурьянову не приходили в голову никакие случаи с огурцами. Ему не терпелось скорей попасть домой. Сегодня к их соседу дедушке Макару должны были привезти новую лодку, и он дал слово, что разрешит Костику выкрасить в лодке скамейки.

Костик сидел, выставив правое ухо к двери, прищурив правый глаз: всё прислушивался, не пошла ли нянечка по коридору, позванивая старым колокольцем. Шёл последний урок.

На дворе старого дома, где жил Костик, на берёзовом чурбане сидел дедушка Макар. Вокруг него была разбросана свежая щепка — он выстругивал новое весло.

Дворовый пёс Гриша гонял около забора чужого петуха с пышным хвостом.

— Не балуй, Гриша, не балуй, — поговаривал время от времени дедушка Макар.

Распахнув скрипучую калитку, Костик вбежал во двор.

— Привезли лодку, дедушка Макар? — выпалил он.

— Да вот, сынок, мастер ещё днище не осмолит. Денька только через два доставит.

— Эх, а я всю дорогу бежал, — огорчился Костик.

Пообедав и отдохнув, Костик сел за уроки.

Из окна, около которого стоял письменный стол, виднелась река и разводной мост на больших понтонах.

Река часто мешала Костику делать уроки. Задумается он над задачей, а глаза так и смотрят на реку, где бороздят воду быстроходные моторки да проплывают катера, ведя за собой плоты, баржи.

На этот раз Костик справился с уроками

быстро. Со двора ещё доносилось постукивание топора дедушки Макара. «Да, весло не скоро сделаешь», — подумал Костик.

Тут он вспомнил, что ещё надо слепить из пластилина огурец. Костик вытащил из-за шкафа свёрнутый в трубку лист коричневой бумаги и разостлал его на письменном столе. Концы листа он придавил тяжёлыми клещами и молотком.

Костик вывалил из коробки цветные куски пластилина.

«Разве это работа — огурец? Задали бы вылепить лодку», — размышлял Костик. Он отщипнул крошку зелёного пластилина и растёр её на ладони. Понюхал. Пластилин как-то по-своему пахнул.

Костику нравилось мять пластилин. Он то скатывал его в шарик, то превращал в лепёшку.

Обеими ладонями он раскатал длинного червяка, потом сложил его несколько раз и прилепил к своему носу. Костик подбежал к зеркалу. Из круглого зеркала над комодом на Костика выглянуло лицо с длинным зелёным носом.

— Буратино! — запрыгал Костик.

Он отдернул занавеску на окне, выходящем во двор. Дедушка Макар всё ещё трудился над веслом. Он часто поднимал весло на уровень глаз, поворачивая так и

этак, выверяя свою работу.

— Дедушка Макар, — кричал Костик, — посмотри на меня!

Но дедушка не услышал. Пластилиновый нос отлепился и упал на подоконник.

«Ах да, — вспомнил Костик, — огурец-то я ещё не сделал!» — И он стал лепить. Но огурец то походил на длинную палку, то на картошку. Уставшие пальцы плохо слушались.

Вдруг Костик увидел на столе в блюде пару солёных огурцов. Сок из них вытек, и лежали они сплюсненные, со впалыми боками.

«Вот какой огурец надо сделать! — обрадовался Костик. — Это куда проще».

Он прищёпнул шарик, вмял пятью пальцами ложбинку и остался очень доволен.

«Ребята, наверно, пыхтят, а никому и в голову не придёт сделать такой, «солёный» огурец».

Костик завернул пластилиновый «солёный» огурец в носовой платок и затолкал свёрток в портфель.

— Костик, — сказала вечером мама, — покажи, как ты свои уроки сделал.

Костик вытащил из портфеля тетради, но платок с огурцом не развернул.

На следующем уроке, когда Надежда Николаевна попросила всех ребят положить на парты свои работы, Костик потихоньку огляделся. Ребята зашумели, до-

ставая свои огурцы. Все они были такие несхожие. Большие и маленькие, пузатенькие и продолговатые, а Догадкин Сёма сделал один бок своему огурцу из жёлтого пластилина.

— Это у меня семенной огурец. Из таких семена берут, — пояснил Сёма.

Надежда Николаевна проходила по рядам. Она была довольна.

— Славно, славно потрудились, ребята!

Около парты Костика она остановилась и, взяв Костин огурец, показала его всему классу.

— Что это, ребята? — спросила она.

— По-моему, это ватрушка, — сообразил Сёма Догадкин.

— Скажи, Гурьянов, ты что слепил? — спросила учительница.

Костик покраснел и вышагнул из-за парты.

— Я... я... солёный огурец, — пробурчал Костик.

— И долго ты его лепил? — улыбнулась Надежда Николаевна.

— Да нет, не очень, — совсем тихо сказал Костик.

Когда учительница положила Костин огурец и пошла к столу, Костик сел за свою парту. У него сильно горели уши.

— Что это у тебя такие красные уши? — спросил Костика его сосед по парте.

— Сам ты уши! — прошептал Костик.

— Дети, — сказала Надежда Николаевна, — к следующему уроку попрошу вас сделать яблоко. А ты, Гурьянов, пожалуйста, не делай мочёных или печёных яблок.

И тут Костик догадался: конечно, Надежда Николаевна поняла, что это был не солёный огурец, а ленивая работа Кости Гурьянова.

В О Р О Б Е Й К А

Е. ТРУТНЕВА

Озяб воробейка, промёрз до костей:
Повсюду сугробы да лёд.
Ну, где же весна? Ни послов, ни вестей
Зимовщицам птицам не шлёт.

Сидит воробейка в домишке скворца,
Ни в сад, ни во двор не летит.
Мороз да метели! Не видно конца!
На них воробышка сердит.

А солнечный зайчик — к нему на порог:
— Ты где, удалец-молодец?
Зима миновала, прошёл её срок,
Морозу и выюгам конец.

«Чирик! — закричал воробей. — Чик-чирик!
Зима холодна и темна.
Конечно, я к деду Морозу привык,
Но как хорошо, что весна!»

ЖАДНЫЙ МУЛЛА

(Туркменская народная сказка)

Рис. О. КОРОВИНА

Всем богат туркменский народ: и хлопком богат, и хлебом, и сказками! Знают старики-бахши много сказок про могучих богатырей — пехлеванов, рассказывают они и забавные сказки об Ярты-гулоке — мальчике ростом в половину верблюжьего уха. Эти сказки больше всех по душе туркменским ребятам. Куда только не проберётся проворный Ярты: попадёт к богатому баю во двор — весь дом перевернёт вверх ногами; залезет в чалму к самому мулле — выведет его на чистую воду; а случись горе у бедняков — Ярты тут как тут: хоть и мал, а помочь сумеет.

Всех сказок о храбром Ярты и за день не перескажешь. Но прочтите одну из них, и вы поймёте, за что любит туркменский народ своего Ярты — мальчика ростом в половину верблюжьего уха.

Когда в поле зеленеет хлопок — это радость, а когда он становится белым — это богатство. Но чтобы хлопок стал белым, как горный снег, его нужно поливать. Это знают все дехкане, знал это и проворный Ярты-гулок. Он проснулся раньше всех и стал будить родителей:

— Эй, ата-джан, апа-джан! Скоро встанет солнце — идёте скорее в поле.

Старуха посадила малыша себе на ладонь и засмеялась:

— Не для тебя, малыша, эта работа. Долго ли тебе заблудиться в траве или утонуть в арыке! Тебе и дома найдётся дело.

Старик и старуха ушли поливать своё хлопковое поле, а Ярты принялся за хозяйство. Он убрал кибитку, вымел двор, а потом стал чистить большой казан — котёл, в котором старуха каждый день варила кашу из тыквы. Он скрёб его шершавым камнем и так прилежно тёр тряпкой, что медный казан заблестел, как солнце, а тряпка стала чернее ночи от сажки и сала.

Вдруг Ярты услышал на улице крик. Как был — с тряпкой в руке, он выскочил за калитку и увидел, что старый белобородый мулла тащил за ворот бедного человека.

— Эй, правоверные! Этот бездельник, обманщик и вор украл у меня воду! — так кричал мулла на всю улицу и тащил бедняка прямо к дому судьи — кази.

За муллою бежал народ. А где народ, там и Ярты. Он уцепился за полу пробежавшего мальчишки, вскарабкался к нему на спину и поспел как раз во-время.

Весь аул стоял во дворе у кази. Судья сидел на богатом ковре и, нахмутив брови, допрашивал человека, одетого в грязные лохмотья.

— Клянусь жизнью, я не крал воды! — оправдывался бедняк. — Вода сама полилась мне в рот прямо с неба!

Но судья его не слушал, а мулла вопил на весь двор и не давал бедняку сказать ни слова.

А дело было так: бедняк шёл издалека. В ауле он прилёг отдохнуть прямо на дороге, как раз против дома почтенного муллы. Мулла в это время пил у себя во дворе чай и остатки зелёного чая выплеснул через дувал на дорогу. Бедняк, утомлённый зноем, спал, раскрывши рот, и чай муллы попал ему прямо в глотку.

— О премудрый судья! — визжал толстый мулла. — Прикажи этому нечестивцу заплатить мне за воду деньги или заставь его отработать долг при мечети!

Мулла совсем изнемог от крика, и пот градом катился

по его жирным щекам. Он сел рядом с судьёй на ковёр и стал вытирать платком своё лицо и шею.

На бедняка жалко было смотреть: он понимал, что теперь ему не миновать кабалы! В народе поднялся ропот, потому что крестьяне отлично знали, что судья — кази — не только близкий друг, но и родственник муллы. А больше всех возмущался Ярты-гулок. Он сидел на тюбетейке самого высокого из крестьян и даже грозил судье кулаками.

Наконец судья раскрыл книгу законов и стал разыскивать в ней такой закон, по которому правый становится виноватым, а виноватый всегда остаётся правым.

Тут уж Ярты не выдержал: с шапки на шапку, с тюбетейки на тюбетейку он стал пробираться вперёд, чтобы лучше всех услышать, как решит дело всеильный судья. Так добрался он до самого муллы. Сперва он вскочил ему на чалму, потом

перебрался за ворот бархатного халата, осторожно скользнул вниз по подкладке и оказался в широком кармане рядом с белоснежным платком муллы. Он выглянул из кармана и стал следить за судьёй. Судья поднял голову и торжественно обратился к мулле:

— По нашим законам и обычаям ты, почтенный мулла, должен поклясться при всём народе, что говорил на суде только чистую правду! Клянись, но помни, чему учит нас старинная мудрость: у того, кто клянётся ложно, лицо почернеет!

Мулла понял хитрость своего друга и обрадовался, что ценой одной только клятвы он получит дарового работника для мечети. Он встал, поднял руки к небу и закричал:

— Клянусь аллахом, я говорил только чистую правду и готов сто раз повторить: если я клялся ложно, пусть лицо моё почернеет.

Так сказал мулла и снова полез в карман за платком, потому что солнце поднялось уже высоко и обильный пот ручьями струился у него по лицу.

Увидев рядом с собой в кармане пухлую руку муллы, Ярты решил проучить обманщика и сунул в руку муллы не белоснежный платок, а грязную старухину тряпку, испачканную сажей.

Конечно, мулла этого не заметил и принялся старательно вытирать своё лицо.

В толпе засмеялись, но мулла был так доволен исходом дела, что не обратил на это никакого внимания. Он преспокойно продолжал вытираться грязной тряпкой до тех пор, пока лицо его не стало чёрным, как старый казан.

Тут смех перешёл в хохот. Судья хотел объявить приговор, но его никто не слушал, все хохотали: мужчины и женщины, старики и старухи, а ребятишки, те катались в пыли от смеха и показывали пальцем на муллу. Судья глянул на своего друга и побледнел от страха: лицо грешника почернело!

— Велик аллах! Ты чёрен, как сам шайтан! — закричал судья и опрометью бросился бежать со двора.

Смущённый мулла схватился за свои щёки, потом посмотрел на ладони и увидел, что они стали чернее сажи. Тогда он подхватил полы своего дорогого халата и

помчался домой. А вслед ему неслись свист и крики:

— Отвечай, мулла, почему твоё лицо стало чёрным? Не бедняк нищий, а ты первый обманщик!

Так закончился суд у кази. А потом Ярты сказал нищему на прощанье:

— Далека твоя дорога, бездомный путник. Но помни, в нашем ауле ты всегда найдёшь и приют и дружбу. Спроси только Ярты-гулока.

Нищий ответил:

— Спасибо тебе, Ярты. Ты очень хорошо сделал, что выручил меня сегодня. И мы скажем: хорошо!

*Пересказали
А. Александрова и
М. Туберовский*

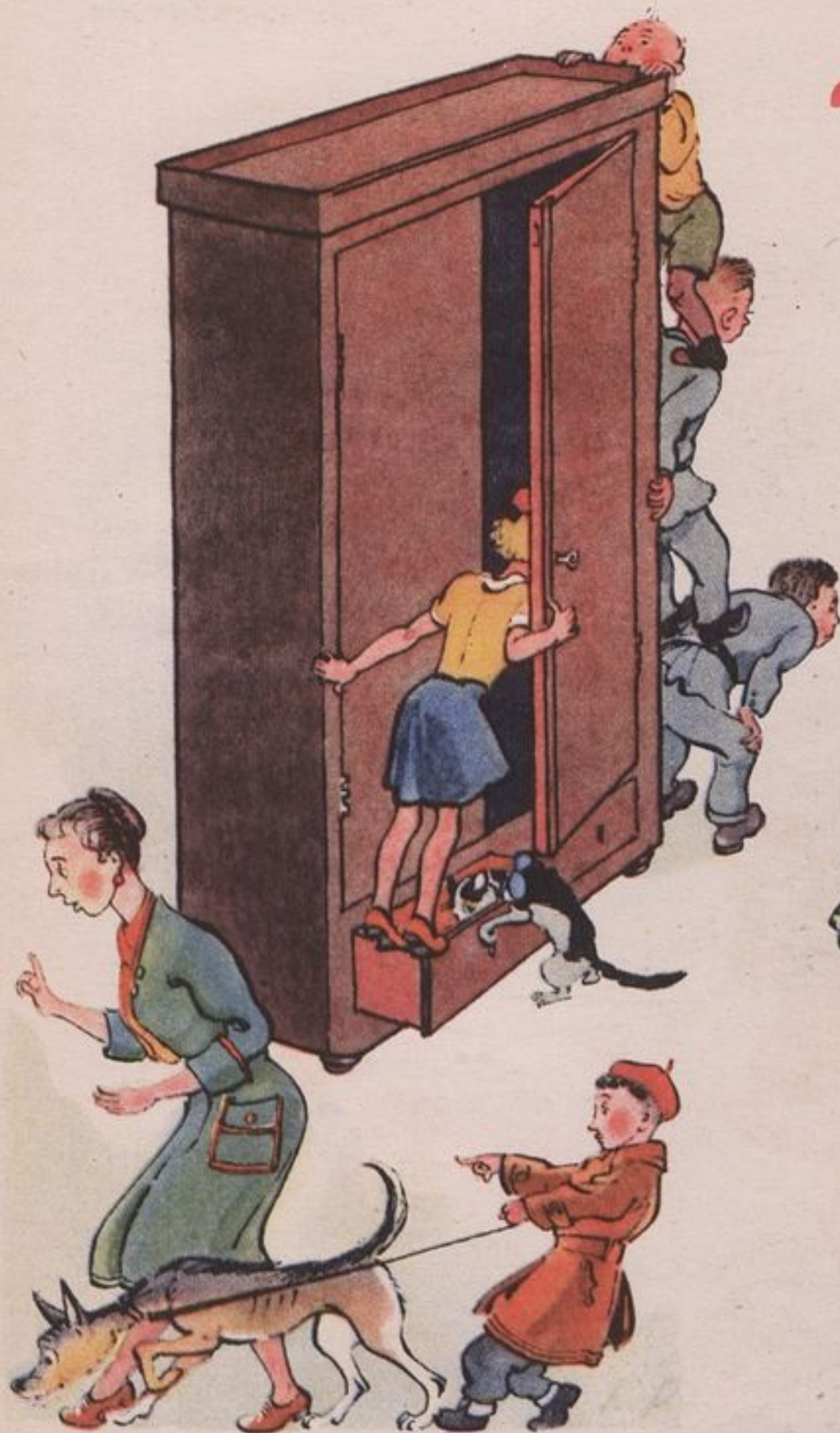

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

Пропали две синицы, наши корреспонденты. Мы их ждали в мартовский номер, но они не прилетели. Поиски начаты, но пока следы синиц не обнаружены.

СТРАННИЦЫ

Просим каждого, кто увидит наших синиц, немедленно сообщить по адресу: Москва, А-55, Сущёвская ул., 21, „Мурзилка“, „Пёстрые страницы“.

СТАРШИЙ БРАТ ВИНОВАТ

— Вовка, вот я по-жалуюсь маме, что ты мне позволяешь в лу-же стоять!

Е. НИКИТИНА

НАХОДЧИВАЯ МАША

Б. ЛЕОНОВ

Учитель вызвал Машу к доске и попросил написать предложение. В этом предложении встретилось слово «здесь», о котором учи-тель спросил:

— Ну, так как правильно написать: «здесь» или «сдесь»?

Маша подумала-подумала и ответила:

— Правильно будет — «тут».

ПИСЬМО

Е. СЕРОВА

Вам сколько лет?
Мне — ровно пять,
Мне через год — шесть лет,
Но не могу никак понять:
Большой я или нет?

Со мной подрался младший брат,
А я же вышел виноват:
„Большой, а так шалишь!“

А попросил купить пенал,
Так сразу папа мне сказал:
„Ведь ты ещё малыш!“

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Не мог я завязать сапог —
Никто, конечно, не помог:
„Ведь ты большой, учись!“

А стали Новый год встречать,
И все меня погнали спать:
„Ты маленький, ложись!“

И вот пишу я письмецо,
Пришлите мне ответ,
Скажите мне в конце концов:
Большой я или нет?

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

КТО СКОРЕЕ?

На старте.

Заяц отстаёт.

Как Миша победил.

Дорогие ребята! Кто из вас любит весёлые игрушки, тому мы посылаем в подарок эту самоделку.

Сделать её можно так: сначала перерисуйте на плотную бумагу картинку, только без головы медведя и без поплавка. Голову и поплавок нарисуйте отдельно, точно по выкройке журнального рисунка.

На картинке ножом сделайте две прорези: одну по краю воды в тазу, а вторую по самому верху шеи медведя. Теперь вставьте в прорези полоску с головой и поплавком, предварительно её согнув, как на рисунке в журнале (в левом углу). Конец этой полоски будет выступать снизу картинки, им и нужно управлять игрушкой.

Вы двигаете его в левую сторону, поплавок тоже плывёт в левую сторону, и голова Мишки смешно поворачивается за поплавком. Вдруг поплавок скрывается под водой, и голова Мишки удивленно нагибается к воде: куда это поплавок пропал?!

На обложке—рисунок Г. Никольского

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Бажкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бодров

Год издания тридцать первый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00325

Подп. к печати 5/II 1955 г.

Бумага 60×92¹/₂=1,5 бум. л.=3 печ. л.

Уч.-изд. л. 2,8

Тираж 650 000 экз.

Заказ 3039

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21.

-2955

